

ПРАВОСЛАВНАЯ МИСТИКА: ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ МИСТИЧЕСКОГО БОГОСЛОВИЯ

Любая религия представляет собой попытку установить внутреннюю связь человека с Богом и содержит в себе, несомненно, определенный мистический аспект. Христианство в этом плане не является исключением, а особенно христианство православное. Более того, по словам протоиерея Сергия Булгакова, «мистика есть воздух Православия»¹. По существу, все Православие мистично. Подтверждение этому мы находим в творениях многих святых отцов Церкви: в их учении мистика занимает одно из центральных мест. Главная богословская идея святоотеческого богословия — идея обожения как цели человеческой жизни² — всецело мистического происхождения: она не является отвлеченно-рассудочным философствованием на тему внутренней жизни, но происходит из личного опыта богообщения, иными словами, исходит не из «знания о Боге», но из знания Бога.

Преображение человека в результате приобщения к Богу в святоотеческой литературе называется по-разному — «богоусыновление», «богоуподобление», «изменение в Бога», «обожение». Обожение — высшее духовное состояние, к которому призваны все люди: «Для того создал нас Бог, чтобы мы стали

¹ Булгаков С.Н. Православие. Очерки учения Православной Церкви. М.: Терра, 1991. С. 309.

² См.: Лосский В.Н. Очерк мистического богословия Восточной Церкви. М., 1991. С. 10.

причастниками Божеского естества (2 Пет. 1, 4) и причастниками Его присносущности и являлись подобными Ему по благодатному обожению, ради которого все устроено и пребывает», — говорит преподобный Максим Исповедник³.

Однако несмотря на то что познание Бога, единение человека с Богом присущи многим религиям мира, при этом каждая указывает свой путь и свои средства к достижению этой цели. Способ понимания и достижения единения человека с Богом обретает различные формы, в зависимости от воззрения человека на себя и свою человеческую природу, в зависимости от традиции. Православие имеет свой особый опыт богообщения, опыт восхождения к Богу.

Вот этот опыт личного богообщения и богопознания лежит в основе мистического богословия Восточной Церкви, которая накопила и содержит бесценное сокровище многовековой духовной традиции.

Изучение и осмысление духовной традиции Православной Церкви и особенно поздневизантийского периода является весьма актуальной задачей для современного богословия. «Никакое богословское рассуждение, никакая церковная наука невозможны в отрыве от духовной, аскетической традиции, в отрыве от осмысления опыта святых подвижников, посвятивших себя молитвенному деланию, и вне опыта благодатного церковного бытия в целом»⁴.

Важность изучения традиции мистического богословия связана еще и с тем, что в настоящее время среди людей, разных по уровню образования и социального положения, увеличился интерес к ложной мистике оккультного характера. Поэтому сегодня как никогда важно показать, в чем состоит

³ Цит. по: *Иларион (Алфеев), еп.* Во что верят православные христиане? Катехизические беседы. Клин: Христианская жизнь, 2004. С. 140.

⁴ *Филарет (Вахромеев), митр.* Всеобщее призвание церковной мысли // http://religion.ng.ru/printed/bogoslovie/2000-02-23/1_bogoslovie.html

святоотеческая традиция опыта общения человека с Богом — мистического опыта Восточной Церкви.

Более того, необходимо отметить, что уже более 100 лет назад многие задавали вопрос о том, возможна ли вообще христианская мистика, признаваемая Христом и согласная с Евангелием, или христианство решительно отрицает всякую мистику и все соединенное с мистикой привнесено или привносится извне.

Несомненно, что поздневизантийское богословие внесло огромный вклад в осмысление традиции мистического богословия. Стержнем православной духовности явилось мистико-аскетическое учение исихазма, которое достигло наивысшего развития в поздневизантийский период. Однако до сих пор мистической традиции исихазма уделяется недостаточно внимания. Феномен православного исихазма часто рассматривается лишь как очередная составляющая в ряду мировых традиций духовной практики, мистических или мистико-аскетических школ, каковы: йога, дзен, даосизм, суфизм. Все названные традиции давно уже стали предметом научного изучения и даже массового интереса. В последние десятилетия сложилась новая рецепция древних традиций, как в научном, так равно и в массовом сознании; произошла их интеграция в сегодняшний духовный, культурный и научный контекст⁵. К сожалению, исихастская традиция часто остается на периферии интересов современного религиозного человека.

В современном русском языке слова «мистицизм», «мистический», «мистика» употребляются в самых разных значениях. В настоящее время понятие мистицизма чрезвычайно расплывчато. Очень часто в современном обществе термин «мистический» прилагают к оккультным и демоническим явлениям; в соответствии с этим под мистицизмом понимают

⁵ См.: Хоружий С.С. К феноменологии аскезы. М.: Гуманитарная литература, 1998. С. 187–188.

различные явления естественного и противоестественного характера, в той или иной мере связанные с оккультизмом.

Термин «мистика» и «мистицизм» происходят от древнегреческого слова *miō* — «прикрывать»; *mistikos* — «таинственный, посвященный в мистерии»; *misterion* — «таинство».

Слова «мистицизм» нет в Библии. Исторически это слово ассоциировалось с эллинскими религиозными мистериями и культами дохристианской и раннехристианской эры. Однако можно сказать, что понятию «мистический» в Библии соответствует понятие святыни.

В современном христианском богословии мистическим называют такой религиозный опыт, который «основан на встрече человека с Богом лицом к лицу — таинственной и сверхъестественной встрече с Реальностью, превышающей всякое человеческое восприятие»⁶.

Опыт Церкви показывает, что видение Бога возможно для людей, несмотря на то что Бог по природе невидим, и встреча с Богом также возможна — вопреки тому, что Бог находится за пределами понимания и постижения⁷.

Вообще сущность и цель всякой религиозной мистики определяется стремлением верующего максимально приблизиться к Богу. Однако пути и способы приближения к Богу, пути богообщения в различных религиях различны.

Так, для религий пантеистического толка конечная цель пути мистика — слияние с божеством и полное растворение в нем.

Напротив, для христианства характерно при тесном единении с Богом сохранение личности. Такое состояние восточные отцы называют обожением. Обожение — это дар благодати Божией, которая преображает человека. Обожение не приводит к сущностной идентичности Богу, оно ведет

⁶ *Иларион (Алфеев), еп.* Вы — свет мира. Беседы о христианской жизни. Клин: Христианская жизнь, 2004. С. 266.

⁷ См.: Там же. С. 267.

к причастности Богу. Сама доктрина феозиса (обожения) — процесса, через который человек восстанавливает во Христе свою первоначальную связь с Богом и возрастает в Боге «от славы в славу», — центральная тема византийского богословия и самого восточнохристианского опыта⁸.

Отметим, что для христианской традиции характерны два элемента мистицизма, часто отсутствующие в других системах. Во-первых, мистические явления противопоставлены панкосмическим концепциям, интерпретирующим реальность как безличное единство. Во-вторых, вместо понятия «поглощения» души Богом постулируется союз любви и воли, в котором остается различие между Творцом и творением.

Личные отношения являются характерной чертой христианского опыта, который предполагает соглашение и общение между Божественной и человеческой личностями. Таким образом, ключ к правильному пониманию вопроса лежит в идее личности. Поэтому первичность христианского опыта богословы относят прежде всего к регулированию личностных интимных отношений между Богом и человеком. Именно здесь и проявляются те состояния духа и человеческой психики, которые относят к мистике.

В сущности, мистицизм — явление общечеловеческое. Подобно аскетизму его мы встречаем во всех частях света, у всех народов, во все эпохи истории. Чем ниже культурное состояние народа, тем грубее и примитивнее те средства, при помощи которых его мистики надеются достигнуть своей цели. На низших ступенях развития мистик для приведения себя в экстатическое состояние пользуется и такими средствами, как наркотические вещества (опиум, гашиш и т.п.), религиозные пляски и быстрые телодвижения (например, быстрое верчение дервишей), грубые виды физического аскетизма (например, у факиров). По мере культурного роста народа и развития

⁸ См.: Мейендорф И., *прот.* Византийское богословие. Исторические тенденции и доктринальные темы. Минск: Лучи Софии, 2001. С. 318.

его религиозного сознания утончаются формы мистицизма и одухотворяются практикуемые им приемы погружения в экстаз. Из области физического аскетизма и внешних приемов центр тяжести переносится в область духовных упражнений⁹.

Особенно пышного расцвета мистицизм достиг на тучной почве пантеизма. Религии Востока, его философия и поэтическое творчество проникнуты сильным мистическим настроением. Яркое выражение нашел себе мистицизм в исламе в виде суфизма. Весьма рано появляются первые зачатки мистицизма у греческого народа. Видное место занимает мистический элемент в орфической теологии и неопифагорейском учении. Но наиболее сильного развития он достигает позднее в неоплатонизме. Довольно рано мистицизм появляется и в христианстве, где он заметной полосой проходит через всю его историю.

Путь восхождения к Богу в мистической литературе обычно изображается в виде преодоления ряда ступеней. Их число может быть различно в зависимости от религиозной символики и традиции. Так, у известного католического теолога Бонавентуры их шесть, что, по его словам, соответствует числу ступеней трона царя Соломона, крыльев у Серафима, поднимающих озаренную светом мудрости душу к Престолу Всевышнего, и, наконец, числу дней творения. Седьмой день — день Божественного покоя, отдыха от дел земных, «субботняя вершина шестиуровневого пути»: успешно прошедшего первые шесть ступеней ожидает экстатическое состояние предельной близости к Богу.

Надо отметить, что с точки зрения восточных нехристианских религий за единением следует еще одна ступень развития, в которой они видят подлинную цель духовной жизни. Речь идет о полном исчезновении индивидуальной души, о ее окончательном растворении в Бесконечном. Такое исчезновение, как утверждают суфии, составляет «восьмую стадию

⁹ См.: *Мишин П.М.* Мистицизм и его природа. Киев, 2003. С. 14.

совершенства», на которой душа подлинно встречается с Богом. Подобная формулировка мало чем отличается от буддийского представления о нирване и вполне естественно приводит к пантеизму, к которому тяготеют все восточные внехристианские религиозные мистики.

Главным отличием православного мистического опыта является тесная связь с христианским вероучением, истолкование его в свете Божественного Откровения.

Внехристианский мистицизм понимает человеческую душу как один из моментов эволюции Абсолютного. В этом космическом процессе роль человека является чисто пассивной. Здесь нет места ни личности человека, ни свободе, ни его нравственным подвигам. Место личных подвигов и нравственных усилий заменяют «священная поза», однообразное повторение священных формул и ряд подобных искусственных средств, имеющих целью привести человека в пассивное, квиетическое душевное состояние. Христианская мистика представляет Божество не в виде безличной Монады, а в образе совершеннейшей личности, в образе Ипостасной Любви. Живое представление такой личности наполняет сердце мистика чувством неизреченного восторга, побуждающим его искать наитеснейшего общения с Божеством.

Христианский мистик стремится к обожению. Обожение же означает для него наивысшее приобщение к Божеским совершенствам, и этого приобщения он думает достигнуть не ценою, как мы сказали, отрешения от своей индивидуальности, а путем уподобления своей личности Божественной Ипостаси. Даже на высших ступенях мистической жизни, когда он всецело поглощен созерцанием «Славы Божией», его не оставляет сознание различия, лежащего между его конечным «я» и Божеством. Это сознание находит свое выражение уже в том, что он созерцаемую славу приписывает не себе, а Богу. Здесь есть место и свободе человека, и его нравственным усилиям, и его подвигам.

Существует различие между христианской и внехристианской мистикой и в воззрениях на материально-чувственное бытие. По христианскому учению, мир — творение Божие и среда осуществления Царства Божия, материя в факте воплощения Сына Божия воспринята в единство Его Божеской Ипостаси, тело человека — храм Духа Божия (см.: 1 Кор. 6, 19) и, как и душа его, подлежит преображению и прославлению. Понятно, что уже поэтому христианский мистик не может относиться к миру и телу как к метафизическому злу. Отсюда его задача заключается в отречении не от мира как творения Божия, а от мира как явления, во зле лежащего (см.: 1 Ин. 5, 19; 2, 16), не от материи как таковой, а от пристрастия к материальным вещам, от предпочтения материально-чувственной жизни духовно-разумной.

Традиция Восточной Церкви выделяет три этапа в духовном процессе восхождения к Богу. Так, например, у преподобного Исаака Сирина эти этапы таковы¹⁰:

1. Покаяние. Душа по природе своей бесстрастна, но вовлекается в кружение страстей и тогда бывает уже вне своего естества. Страсть есть некое выпадение души из своего первобытного чина. Тогда душа и вовлекается в мир (мир как некая внутренняя реальность; имя собирательное, охватывающее все то, что называется страстью). И может выйти из него. Это будет для нее возвращением к себе. Покаяние и есть этот постоянный исход, изменение образа мыслей, новая установка ума.

2. Очищение — осуществляется через безмолвие. Безмолвие умерщвляет внешние чувства и воскрешает внутренние движения. Только в безмолвии начинается подлинное познание (ведение, гносис). В познании есть три ступени. Первая — плотское познание, ложная и опасная ступень, с нее нужно сойти. Вторая — душевные пожелания и помышления, на ней можно познать премудрость и промысел в строении вещей.

¹⁰ См.: Лосский В.Н. Указ. соч. С. 154.

На третьей ступени человек обретает духовность, его ведение становится духовным, возносится над всем земным.

3. Совершенство — высшая ступень, когда превышает мера естества. Ум очищается наитием Духа, и для него возможно Божественное созерцание. Это нечто большее и иное, чем гносис. Это — начало совершенства. Но дар созерцания подается в ответ на подвиг. Во время молитвенного состояния, когда душа бывает в особенности собрана и сосредоточена и готовится внимать Богу. Так, и на высотах не отменяется синергия подвига и дара, свободы и благодати. Преподобный Исаак Сирийский говорит, что это есть предварение будущего века. Иначе — начинающееся преобразование души. Очищенная душа входит в область чистого естества. Поэтому не знает подвижник, в этом ли он еще мире. Это уже ощущение бессмертной жизни, более того, осуществление и откровение вечного бессмертия в самом бытии человека. Таков путь преобразования и обожения в православной традиции.

Было бы неверно оставить без внимания тот факт, что в христианской среде далеко не всем мистикам удастся согласовать тенденции своего мистического опыта с положениями христианского вероучения. В этом случае мистик, уклоняясь от церковной догмы, становится на путь еретичествующего понимания ее. Такова мистика древних гностиков, монтанистов, мессалиан, павликиан, богомилов. Но и среди мистиков православного предания мы встретим разнообразие проявлений мистического опыта. Однако основное проявление этого опыта можно найти в жизни и подвигах преподобных Макария Египетского, Максима Исповедника и Симеона Нового Богослова.

Итак, мы видим, что все богословские системы подчинены одной цели — соединению с Богом. Однако, как следует из вышесказанного, пути единения различны. Главнейшая забота Церкви — утверждение и указание возможности, модуса и способов единения человека с Богом. Именно в мистическом

богословии находит свое осмысление опыт единения человека с Богом. Этот опыт непосредственно связан с догматическим учением и миропониманием Церкви. В Православии богословие и мистика отнюдь не противоплагаются; наоборот, они поддерживают и дополняют друг друга¹¹. Вне истины, хранимой всей Церковью, личный опыт был бы лишен всякой достоверности, всякой объективности. Вместе с тем, учение Церкви не имело бы никакого воздействия на душу человека, если бы оно как-то не выражало внутреннего опыта истины, данного в разной «мере» каждому верующему.

Итак, подводя итог, доклад можно резюмировать словами В.Н. Лосского: «...нет христианской мистики без богословия, и, что существеннее, нет богословия без мистики... Таким образом, мистика рассматривается... как совершенство, как вершина всякого богословия, как богословие “преимущественное”»¹².

¹¹ См.: Лосский В.Н. Указ. соч. С. 9.

¹² Там же. С. 10.